

Список сокращений

РФ ИИАЭ ДНЦ РАН — Рукописный фонд Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН.

ССКГ — Сборник сведений о кавказских горцах

СМОМПК — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа

М.Б. Гимбатова

ОБЫЧАЙ КРОВНОЙ МСТИ У ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА В XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Одним из традиционных общественных институтов у тюркоязычных народов Дагестана в исследуемое время был обычай кровной мести. При отсутствии сильной законодательной власти он являлся важным регулятором общественных взаимоотношений и просуществовал до начала XX в.

Убийцу у ногайцев называли *душпан* (враг), *кан ишкен* (выпивший кровь), *канлы яв* (кровный враг), у кумыков, азербайджанцев и терекменцев — *душман* (враг).

Мотивы для совершения убийства могли быть разными, но чаще всего преступления, которые влекли за собой кровомщение, совершались из-за женщины. Помимо убийства — это покушение на честь и достоинство женщины: оскорбление, изнасилование, похищение и т.д. При этом именно женщины были яростными противницами примирения и замены кровной мести выкупом — *диятом* [Рагимова 2001: 123]. Именно они убеждали мужчин в необходимости кровомщения. Не отомстить за кровь считалось позором, и женщины постоянно напоминали об этом мужчинам. Наши информанты рассказывали, что у кумыков женщины отказывали мужьям в ложе, пока они не отомстят. Если не было мужчины, который бы мог отомстить, то женщина выходила замуж за того, кто согласится исполнить этот долг. Мать отказывалась оплакивать сына, пока за его кровь не отплатят. Также были известные случаи, когда жена в знак траура по убитому мужу год не снимала траурный платок и не мыла голову.

Женщины первыми отправлялись к дому убитого для оплакивания. По воспоминаниям наших информантов, жена, узнав о том, что ее муж — убийца, распускала волосы, закатывала рукава платья до плеч и с плачем, царапая лицо и руки, рвя на голове волосы, направлялась к дому покойника. Также вели себя и сестры убийцы, они отрезали свои косы, обвязывали ими талию, босиком, причитая, шли к родне умершего. Бывало, что родня убитого не пускала их даже во двор, тогда сестры с другими родственницами устраивались за воротами и сами начинали оплакивать умершего, проклиная убийцу. Нам рассказали, как две молодые сестры убийцы в зимнее время года в легких одеяниях, босиком оплакивали умершего на улице, а через несколько дней умерли от переохлаждения.

У тюркоязычных народов Дагестана женщина никогда не становилась объектом кровомщения и сама никогда не мстила, хотя у кумыков существует предание о девушке, которая отомстила за смерть своих братьев хану и его нукерам, подкараулив их ночью в лесу и предав огню вражеский лагерь.

По обычаю, кровная месть не осуществлялась внутри рода — мстили только чужому человеку. Обычно месть переходила из поколения в поколение, срока давности кровная месть не имела. Преднамеренное убийство тут же вызывало ответную меру — убийство виновного.

У тюркоязычных народов Дагестана, как и других дагестанских народов, существовали неписанные законы кровомщения, согласно которым запрещалось убийство обидчика из-за угла, со спины, внезапно, без предупреждения. Убийство могло быть совершено только холодным или огнестрельным оружием. Убийство, совершенное палкой, камнем, плетью, считалось подлым, недостойным мужчины-кровника. Запрещалось убивать во время месяца Рамазан, религиозных (календарных праздников), в людном месте. Категорически запрещалось выяснять отношения в доме у кого-либо или в общественных местах (в мечети, на свадьбе, похоронах, на базаре, во время праздника). Запрещалось убивать обидчика спящего, трапезничающего, совершающего намаз, справляющего естественные нужды.

При встрече с кровником правом первого удара, выстрела обладала потерпевшая сторона. Большим позором считалось убивать из кровной мести женщину, слабоумного, больного человека.

Категорически запрещались надругательство над трупом, мародерство. Особых правил поведения должны были придерживаться и родственники двух враждующих сторон. Согласно этическим нормам родственникам убийцы категорически запрещалось веселиться, шутить, развлекаться в присутствии родственников убитого, беседовать с кем-либо при них, смотреть им в глаза. При встрече с родственниками убитого в общественном месте родня обидчика должна была покинуть это место. Если они повстречались в пути, то родственники убийцы должны были беспрекословно уступить дорогу потерпевшей стороне.

Отомстить за кровь должен был мужчина, один из самых близких родственников по отцовской линии — родной брат, при его отсутствии — двоюродный, троюродный брат. Мстили прежде всего убийце, а если ему удавалось скрыться от возмездия, то мстили самым близким родственникам преступника. У кумыков есть выражение: «*Душманны аласы, кьарасы болмас*» («Среди врагов не бывает пестрого, черного») [Гаджиева 2005: 254].

При совершении убийства, особенно преднамеренного, с корыстной целью или с отягчающими обстоятельствами (*кара канн*), в изгнание (*канлы*) уходил не только сам убийца (*баш канлы*), но и его ближайшие родственники, подпадающие под категорию *мал канлы*. Первый отвечал за кровь головой, вторые — имуществом (*баш* — голова, *мал* — имущество) [Комаров 1868: 27]. Число мал-канлы могло достигать семи человек [Егорова 1976: 108].

Среди простых ногайцев убийства на почве кровной мести были редки. Наибольшее распространение этот обычай получил в среде знатных ногайцев.

У кумыков после совершения убийства преступник и его ближайшие родственники по отцовской линии могли просить убежища у своего князя, у которого они в течение 30–40 дней укрывались от родственников убитого. В этом случае князь сам принимал непосредственное участие в примирении сторон.

Бесконечная вереница взаимных убийств подрывала общество изнутри, поэтому в целях самосохранения оно выработало

ряд способов прекращения данного бедствия. Этого требовали и изменившиеся социально-экономические условия. Если на ранних этапах развития общества действовал принцип «око за око», «кровь за кровь», то в XIX — начале XX в. примирение сторон осуществлялось через уплату штрафа. Так, в прошении кумыкских ногайцев, поданном в Комитет, учрежденный для определения личных и поземельных прав населения Кумыкского округа Терской области (1860 г.) говорится: «Если кто-либо убьет другого и родственники убитого, встретив убийцу, поймают его, они были вправе убить [последнего]. А если он убежит в какое-либо далекое место или пойдет и скроется [в доме] влиятельного человека, то, в случае просьбы людей, захотят простить [убийцу], прощали его, но взыскивали с него дият (штраф. — М.Г.). Иного же наказания не было» [Оразаев 2007: 217].

Подобное наказание ожидало убийцу и у кумыков. «За смертоубийство умышленное вимается с родственников убийцы алым-пеня в пользу наследников убитого, а сам убийца подвергается кровному мщению со стороны последних», — гласят адаты шамхальства Тарковского и ханства Мехтулинского [Законы... 2007: 238]. Денежному штрафу убийца подвергался и у терекеменцев [Адаты... 1899: 582].

Штраф, «цену крови» — *кан тоблев* (ног.), *алым* (кум.), *шариат-ахча*, *ган пулу* (азерб., терек.) — пострадавшей стороне выплачивали родственники убийцы. Размеры его часто зависели от влиятельности и многочисленности родни убийцы.

Величина выплат в разных обществах была различной. Так, у северных кумыков семья убийцы платила 13 рублей, с родных братьев, живущих отдельно, вималось по 5 рублей, с двоюродных братьев — по 2 руб. 50 коп., с троюродных — по 1 руб. 50 коп, а с четверюродных — по 65 копеек. Нисходя по дальнейшим родственникам, взыскание доходило до мзды в 25 копеек. Того родственника убийцы, который не желал принять участие в алыме, родственники покойного имели право убить [Алибеков 1927: 6].

В селении Тарки ввиду участвовавших случаев смертоубийства шамхал Мехти-хан приказал брать с семейства убийцы 300 руб-

лей деньгами или другими вещами на означенную сумму [Законы... 2007: 238].

У башлынцева убийца сначала платил «шариат-ахча» в размере 3–5 руб., кроме того, одного быка в пользу управляющего селением и одного в пользу общества [Адаты... 1899: 694].

В середине XIX в. у тех же южных кумыков в селениях Башлы, Утамыш, Каякент алым устанавливался в пределах 40–60 руб. серебром. Кроме того, «дарили оседланную лошадь, ружье и полный боевой набор» [Петухов 1867].

У ногайцев «цену крови» выплачивали скотом, она могла составлять от 10–20 баранов или одной коровы за убийство простого человека до 200 коров за убийство узденя. Позднее стали вносить выкуп и деньгами. По сведениям наших информантов, в исследуемое время в каждом ауле имелись большие весы — *бежмен*, на одну чашу весов сажали убийцу, а на другую — родственники убийцы бросали серебряные монеты и украшения так, чтобы вес обеих чаш сравнялся. Все собранное отдавалось в качестве «*кан тольев*» семье убитого. Если же семья покойного оставалась без главного кормильца, то убийца большую часть расходов по ее содержанию должен был взять на себя. Если в семье убитого имелись неженатые сыновья или незамужние дочери, то свадебные расходы ложились на плечи кровника.

Только терские ногайцы, жившие по соседству с чеченцами, не признавали выплаты штрафа за убийство.

После сбора алыма уважаемые старики во главе с местным кадием договаривались о его передаче родне убитого [Алибеков 1927: 7]. После этого род убитого переставал преследовать род убийцы, но продолжал разыскивать самого убийцу.

Убийца же искал себе убежища в дальних обществах. До отбывания срока канлы на изгнанника распространялись самые разнообразные запреты. Убийца постоянно находился под страхом возмездия, он вел замкнутый образ жизни, не мог свободно выходить на улицу и всегда при себе имел оружие, не стригся и не брился, не носил нарядную одежду, не участвовал в каких-либо торжествах, не появлялся в общественных местах, так как опасался преследований со стороны потерпевших.

Если родственники убитого находили его, то убивали на месте, если не могли убить, то он находился в канлы до тех пор, пока родственники убитого не согласятся на примирение.

По истечении установленного срока изгнания (5–10 лет) его *тухум* (семейно-родственная группа) просил род убитого разрешить ему вернуться домой. Джамаат (община) снова добивался организации примирения, на этот раз окончательного. Просьба о примирении обычно приурочивалась к какому-нибудь религиозному празднику, посту, когда верующие легче соглашались простить нанесенные обиды, считая это богоугодным делом [Гаджиева 2005: 257].

Обряд примирения кровников — *ярашув* (кум.), *ярасув* (ног.), *барышмаг* (азерб.), *бахышламмаг* (терек.) — в исследуемое время у тюркоязычных народов Дагестана проходил везде одинаково. После того как родственники убитого давали согласие на примирение, влиятельные люди, старейшины — аксакалы, кадий, князь — устраивали обряд лицезрения — *бет гёрмек* (кум.), *бет коьруьв* (ног.), *уз гёргезмек* (азерб., терек.). Наиболее полно он представлен в адатах кумыков. «Когда сторона канлы посылала стороне убитого сказать, что идут с канлы, то последняя, собрав своих друзей, близких и знакомых, отправлялась туда в свою очередь сказать: “Пусть идут”. Тогда вся сторона канлы шествовала в таком порядке: впереди шли кади, муллы, хаджи, старики с князем, за ними весь собравшийся посторонний народ, за ними родственники по отцовской линии, дяди по матери, племянники по сестре, внуки по дочери. Сзади за ними сам канлы. Впереди канлы вели оседланную лошадь с накиннутым на седло панцирем. На передней луке висело ружье с дулом, направленным назад. Причем прежде чем дойти до тазията (место, где принимали соблазновения. — М.Г.) убитого, канлы с родственниками, вышедшие из дому, не опоясанные и без оружия, снимали свои папахи. Тогда кади в сопровождении князя и почетных людей входил на тазият и после своего салама и прочтения молитвы произносил проповедь о прощении. Прибывшие за кадием князь и народ просили: “Во имя Бога, простите”. Если старейший из родни убитого скажет: “Нет, не прощаю”, то все прибывшие посторонние сни-

мали папахи, если и тогда получали отрицательный ответ, то все они становились на колени. Все то же проделывали родственники убийцы (канлы), стоя поодаль. Наконец, добивались утвердительного ответа. После этого во двор тазията вводили лошадь, а за нею канлы с родственниками. По получении лошади старейший родственник убитого дарил ее князю, а последний возвращал ее прежнему хозяину, у которого она была взята родственниками канлы. Потом водили канлы мимо ряда стоящих на тазияте родственников убитого, и он перед каждым из них падал ниц, прося о прощении; после того как каждый стоявший на тазияте из родственников произносил: “Живи, вставай, прощаем”, — канлы водили к сидящим на “ясе” женщинам. После того как канлы там проделывал то же, что перед мужчинами, его выводили во двор и все присутствующие произносили: “До свидания, да даст Бог согласие” — и, увозя с собой канлы и родственников, уходили по домам. Через три дня сторона убитого звала к себе канлы и, оказав ему все признаки уважения и ласки, объявляла его своим “кан кардаш” — кровным родственником. После этого сажали его на пороге двери и, срезав ему несколько волос с головы, говорили: “Иди, живи, сбрей волосы” [Алибеков 1927: 8–9].

У караногайцев во время *бет коьруьв* враждующие стороны должны были несколько минут постоять лицом к лицу в 20–30 шагах друг от друга. Примиряющие размещались между ними, увещевая их прекратить вражду. Согласившись с этим предложением, обе стороны расходились по своим домам [Гаджиева 1979: 131].

У терских ногайцев обряд примирения кровников проходил несколько иначе. Обряд примирения проходил, как правило, перед заходом солнца. К дому убитого направлялась процессия во главе со стариками-родственниками и самим убийцей, затем шли женщины, а за ними юноши и девушки. Во дворе убитого их встречали старшие родственники покойного, которые после многочисленных просьб могли простить убийцу. Бывали случаи, когда родственники убитого долго не прощали убийцу. Боль и горечь потери родного человека были настолько велики, что родственники убитого даже близко не допускали мысли о примирении. Если

в просьбе отказывали, то в дом убитого приходили несколько раз, пока не получат прощения. Если родственники убитого не соглашались на примирение, то просительницами — *тилекши* — становились незамужние девушки, которым согласно традиции не отказывали. У ногайцев по этому поводу есть выражение: «*Кыз хаьтер — ак хаьтер*» (Просьба девушки — святая).

На следующий день в знак примирения в доме убитого проводили совместную трапезу. Если в семье убитого были малолетние дети, то семья убийцы в знак примирения просила отдать одного из детей на воспитание. Обычно семья покойного не соглашалась с подобным предложением, так как в случае смерти ребенка кровная месть могла возобновиться. Если в семье убитого была дочь на выданье или неженатый сын, то обе семьи старались произвести обменный брак.

Все расходы по организации свадьбы в этом случае брала на себя родня убийцы. После этого дня кровная вражда прекращалась, стороны теперь называли друг друга кровными братьями — *къан къардашлар* (кум.), *кан кардаш* (ног.), *ган гардашлар* (азерб., терек.). Подобный обряд примирения кровников был известен и другим народам Дагестана [Лугуев 1980: 84].

Несмотря на всю суровость обычая кровной мести, он был необходим, так как являлся регулятором взаимоотношений между членами общины, эффективным средством самообороны. Как справедливо отмечал известный дагестанский этнограф А.И. Исламмагомедов, обычай кровной мести в условиях отсутствия сильной законодательной власти был тем инструментом, который сдерживал людей от совершения такого рода преступлений, как убийство [Исламмагомедов 2002: 380].

Библиография

Адаты Дагестанской области и Закатальского округа / Сост. И.Я. Сандрыгайло. Тифлис, 1899.

Алибеков М. Адаты кумыков. Махачкала, 1927.

Гаджиева С.Ш. Очерки истории семьи и брака у ногайцев. XIX — начало XX в. М., 1979.

Гаджиева С.Ш. Кумыки: Историческое прошлое, культура, быт. Махачкала, 2005. Кн. 2.

Егорова В.П. О состоянии кровомщения в Дагестане во II половине XIX — начале XX в. // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Махачкала, 1976. Вып. 7.

Исламгагомедов А.И. Аварцы. Историко-этнографическое исследование (XVIII — нач. XX в.). Махачкала, 2002.

Комаров А.В. Адаты и судопроизводство по ним // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1868. Вып. 1.

Лугуев С.А. О кровной мести у лакцев во второй половине XIX — нач. XX в. // Семейный быт народов Дагестана в XIX — XX вв. Махачкала, 1980.

Оразаев Г.М.-Р. Тюркоязычная деловая переписка на Северном Кавказе XVII–XIX вв.: (Исследование, тексты и комментарии). Махачкала, 2007.

Петухов П. Очерк Кайтаго-Табасаранского округа // Кавказ, 1867. № 12.

Рагимова Б.Р. Женщина в традиционном дагестанском обществе XIX — начала XX в. (роль и место в семейной и общественной жизни). Махачкала, 2001.

Сборник адатов шамхальства Тарковского и ханства Мехтулинского // Законы вольных обществ Дагестана XVII–XIX вв.: Архивные материалы / Сост., предисл., примеч. Х.-М. Хашаев; отв. ред. Г.-А. Даниялов. Махачкала, 2007.

Р.Ш. Зельницкая (Шларба)

ПОПЫТКА СЛОМА ТРАДИЦИОННОЙ СИСТЕМЫ ЦЕННОСТЕЙ В ПЕРИОД УСТАНОВЛЕНИЯ КОЛХОЗНОГО СТРОЯ В СОВЕТСКОЙ АБХАЗИИ

В период установления советской власти по всей территории бывшей Российской империи осуществлялись попытки насаждения новой системы ценностей. Этот процесс вступал в противоречие с уже существовавшими («традиционными») ценностными установками.

Как известно, в 1929 г. в Советском Союзе была принята установка на сплошную коллективизацию, которая не всегда носила добровольный характер. Основопологающей задачей сталинских